

Манихейская компонента русской культуры: истоки и обусловленность

Автор: И. Г. ЯКОВЕНКО

Утвердившееся в гуманитарной литературе понятие манихейства носит собирательный характер. В узком смысле под этим термином понимают религиозное учение, восходящее к имени Мани - иранского религиозного реформатора, вероучителя и пророка (216 - 277 гг. н.э.). Манихейство как религиозное учение имеет свою историю, длившуюся порядка восьми-десяти веков. Оно прослеживается на некотором четко локализуемом пространстве. Манихейство в более широком смысле - огромный, сложнообозримый пласт религиозных, историософских идей, настроений и феноменов, на протяжении тысячелетий выступающих под самыми разными доктринальными одеждами по всему пространству региона монотеистических религий. Предмет моего исследования - именно манихейство в широком смысле.

Манихео-гностический комплекс

Манихейская доктрина трактует мир как поле вечной битвы двух этически маркированных космических стихий - Света и Тьмы, Добра и Зла, Духа и Материи. В некоторой эсхатологической перспективе предполагается конечная победа Света над Тьмой, что будет сопровождаться гибелью этого мира, который существует как феноменологическое пространство, порожденное описанной борьбой и заданное обеими космическими сущностями. Таково манихейство как компонента традиционной культуры, или интенция сознания. Речь идет об особом дуалистическом миропереживании, которое лучше всего, но не исключительно, представлено в доктрине Мани.

Представляется, что манихейская матрица принадлежит к базовым структурам ментальности. Она усваивается вместе с родной культурой, предшествует опыту и задает модели понимания мира. Как базовая структура ментальности манихейская матрица лежит вне рефлексии и может не иметь идеологического оформления. Предсуществуя любым религиозным или идеологическим доктринам, эта матрица сознания влияет на выбор таких доктрин и окрашивает собой все феноменологическое пространство культуры.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта "Россия и Латинская Америка в мировом диалоге цивилизаций: сравнительный анализ" (грант N 06 - 01 - 02017а).

Яковенко Игорь Григорьевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Этот тип сознания характеризуется целым рядом признаков. Прежде всего, соединяясь с манихейской картиной мира, традиционное сознание совершает важнейшую процедуру - реинтерпретирует борьбу Света и Тьмы, Добра и Зла при помощи местоимений "мы" и "они". По некоторому, логически малопостижимому обстоятельству, сообщество, осмысливаемое как "мы", неизменно оказывается на стороне Света. "Мы" всегда Свет, а "они" - всегда Тьма. "Мы", или Свет - это "наш" привычный и устойчивый традиционный универсум. "Они" - все те, кто из пространства манихейского сознания представляются Врагом этого мира¹. Человек, живущий в манихейской системе представлений, дробит мир на два онтологически враждебных лагеря. В результате любая ситуация конфликтующего взаимодействия - от перепалки с соседями на коммунальной кухне до отношений с идейными противниками, инородцами, иноверцами, "классовыми врагами", межгосударственные отношения - переживаются как эпизоды вечной борьбы Света и Тьмы. Любой конфликт манихей стремится предельно обострить. Жизнь для него - борьба, длящаяся до поражения противника.

Из этой базовой установки вытекает множество частных следствий. Например, блокирование диалога с противостоящей стороной, профанация компромисса, особая, остро дуализированная картина мира, предполагающая мощное эмоциональное наполнение, иррациональная устремленность к Последней битве, склонность к мифологии заговора и измены, перманентный поиск внутреннего врага, и т.д. Манихей демонстрирует неспособность к адекватному постижению ситуаций многосубъектного взаимодействия и постоянно стремится упростить картину мира до противостояния "мы" и "они". Этот ряд можно было бы продолжить.

Завершая беглое перечисление признаков манихейской компоненты культуры, остановлюсь для примера на одном из них: интенциональном устремлении манихея к Последней битве, в которой проявляется его *эсхатологический оптимизм*. Старшее поколение со школьной скамьи помнит призыв: "Пусть сильнее грянет буря". Соответственно этой установке перспектива участия в Последней битве переживается как великая честь, а участие в битве, осознаваемой как Последняя, рождает переживание предельной полноты жизни, абсолютное самоосуществление, преддверие Рая.

Говоря о манихействе, нельзя не упомянуть близкое идейное течение - гностицизм. Гностицизм исходит из убеждения в онтологической ущербности "мира сего" и полагает его созданием злого либо несовершенного демиурга. Дело в том, что манихейское сознание практически всегда сосуществует с гностическими установками. В исторической реальности гнозис и манихейское мировидение взаимопроникают. В конкретных массовых движениях, идеях и идеологиях самых разных эпох - от раннего Средневековья до XX в., в той или иной мере затронутых одной из этих доктрин, как правило, присутствует и вторая. Гностицизм и манихейство актуализуются в культурном сознании одновременно. В результате наблюдается переплетение компонент этих доктрин, представленных в разных пропорциях. Эти наблюдения позволяют сделать вывод о генетической и смысловой связи манихейства и гнозиса. Иными словами, в культуре воспроизводится устойчивый *манихео-гностический комплекс*. В одних социокультурных целостностях данный комплекс практически изжит или, по крайней мере, подавлен и существует на периферии культуры. В других - вплетен в ткань культуры как существенная компонента.

Так же как и мироотречные гностические установки, элементы манихейского мироощущения присутствуют во всякой культуре и, по-видимому, неустранимы. Однако объем этой компоненты культурного универсума существенно различается от общества к обществу, от одной локальной цивилизации к другой, от эпохи к эпохе. И чем более вы-

¹ Углубленный анализ современного манихейского сознания показывает, что силы и сущности, осмысливаемые как Враг, в подавляющем большинстве случаев оказываются носителями социокультурной *динамики*, что достаточно логично, поскольку именно динамика разрушает традиционный универсум.

ражена манихейская компонента, тем менее стабильно, более застойно и периферийно такое общество.

В эпохи кризисов и переломные моменты истории манихейские настроения резко актуализуются. Манихейская парадигматика находит свое выражение на языке эпохи. Павликиане, табориты, санкюлоты, казаки И. Болотникова, террористы-народовольцы, немецкие избиратели, голосующие за канцлера А. Гитлера, или твердые "искровцы" проникаются духом Великой битвы Света и Тьмы. Подавляющая масса этих людей никогда не слышала имени Мани. Это означает, что, схватывая отдельные моменты всеобщей диалектики бытия, манихейская доктрина коренится в природе вещей, а также в природе человеческого сознания. Однако в качестве основания устойчивого социокультурного универсума манихейство бесплодно. Чем острее выражена манихейская компонента, тем короче период господства пронизанной манихейскими идеями идеологии и тем катастрофичнее крах общества, подпавшего под ее обаяние. Наконец, так же, как и гнозис, прочно утвердившаяся в культуре манихейская парадигма наделена способностью воспроизводить условия, необходимые для утверждения манихейского сознания. Превратившись в элемент ментальности, манихейская компонента порождает кризис и дискомфорт как базовые условия своего существования.

Теоретическая рефлексия

О манихействе как одной из характеристик российского сознания сказано сравнительно много. До 1917 г. православная идентичность блокировала осмысление особенностей отечественной культуры, осуществляемое при помощи категории "манихейство". Социальные и политические мыслители писали о непримиримости старообрядцев, о кружковщине интеллигенции, о фанатической ярости революционеров. При этом фиксируемые манихейские черты осмысливались как частные моменты. Мировая война и большевистская революция радикально изменили ситуацию.

Н. Бердяев - первый из российских мыслителей, заговоривший об отечественном манихействе. Он писал, что истинным революционером может считаться лишь тот, "кто в каждом совершаемом им акте относит его к целому, ко всему обществу, подчиняет его центральной и целостной идее". И далее: для коммуниста "мир резко разделяется на два противоположных лагеря - Ормузда и Аримана, царство света и царство тьмы без всяких оттенков. Это почти манихейский дуализм, который при этом обыкновенно пользуется монистической доктриной" [Бердяев, 1990, с. 87, 149]. Здесь Бердяев фиксирует один из устойчивых признаков российского традиционного сознания: манихейская в своей сущности картина мира обрамляется монистической доктриной. Тем не менее у философа понятие "манихейство" звучит еще как яркая метафора. Правда, эта метафора запоминается, поскольку работает.

В СССР по причинам идеологического порядка идеи о манихейском характере русского коммунизма развития получить не могли, но к началу 1990-х гг. изменяется идеологический контекст и формируется новый уровень теоретического знания. Эти изменения позволяют начать движение от эссеистики к построению теории. О манихействе в русской традиционной культуре достаточно развернуто пишут А. Ахиезер, И. Кондаков, И. Ионов, автор настоящей работы и другие исследователи. Манихейство как одна из характеристик отечественной культуры и признак национального характера освоено теоретической мыслью - как западной, так и отечественной. Но это - теоретическое освоение первого порядка, где понятие "манихейство" присутствует скорее назывно, на уровне упоминания и философской эссеистики. Развернутый анализ проблематики манихейской компоненты отечественной культуры еще предстоит. В порядке разработки обозначенного проблемного пространства обратимся к проблеме истоков манихейского сознания и обусловленности утверждения этой парадигмы.

Истоки манихейского сознания

Проблема истоков отечественного манихейского сознания ставилась и разрешалась путем анализа первоисточников, маршрутов трансляции и обстоятельств заимствования манихейских идей в России. В результате формировались весьма несхожие концепции. Как известно, Киевская Русь вступает в историю на рубеже II тыс. н.э. К этому времени классическая манихейская церковь сместилась на периферию ойкумены, доживая последние века своего существования. Но, как мы помним, манихейская идея не умирает никогда. На Западе и на Востоке рождаются движения и доктрины, преемственные по отношению к классическому манихейству. Кроме того, в традиционных культурах некоторых народов, контактирующих с русскими славянами, исходно присутствуют идеи и позиции манихейского свойства.

Довольно подробно рассматривает проблему истоков российского манихейства Ахиезер. В его изложении они восходят к скифо-сарматской эпохе. "Народы, населявшие земли, где затем стали жить русские, находились под большим влиянием зороастризма. Многие языческие славянские боги восходят к индоевропейской эпохе". Опираясь на мнение академика Б. Рыбакова и других исследователей, Ахиезер утверждает, что воздействие иранской мифологии на славянскую культуру бесспорно [Ахиезер, 1997, с. 75, 73 - 78]. Как указывал М. Ростовцев, официальной религией скифского царства становится сложившееся в Иране манихейское учение - маздакизм [Ростовцев, 1913, с. 17]. Приводя суждения специалистов, Ахиезер фиксирует манихейское влияние на волхвов, существование богомилов в Киеве еще до Крещения Руси, богомильско-апокрифическое происхождение дуалистических сказаний волхвов о сотворении человека Богом и Дьяволом.

В предложенной Ахиезером перспективе манихейство оказывается исходной и в этом отношении неустрашимой компонентой российского сознания. Исследователь указывает на то, что первый памятник отечественной агиографии - "Чтение о Борисе и Глебе" (XI в.) носит отчетливо манихейский характер: "Князь Святополк - злодей по своему существу, воплощение Тьмы. Он упоминается только с эпитетом "Окаянный" и подлежит полному и безоговорочному осуждению" [Ахиезер, 1997, с. 77]. Это справедливое замечание. Средневековая российская литература моделировала качественно иную модель космоса, нежели современная ей литература западноевропейская.

Но предложенная Ахиезером теоретическая перспектива требует уточнений, нуждается в оговорках и на сегодняшний день представляется недостаточной. Отдельные положения предложенной модели обоснованы, другие - не имеют под собой достаточных оснований и представляют собой скорее экспертные суждения.

Иранские связи в культуре восточных славян, на мой взгляд, бесспорны. В серьезных академических изданиях последнего времени, аккумулирующих достижения научных дисциплин, разрабатывающих проблему генезиса славян, указывается, что общества, соотносимые с археологическими культурными комплексами на территории Юго-Восточной Европы (датируемые концом I тыс. до н.э. и первой половиной I тыс. н.э.), которые ученые связывают с формирующимися славянскими этническими группами, "включают в себя неславянские элементы, свидетельствующие о присутствии здесь различных групп германского, балтского, ираноязычного, фракийского населения". В III-IV вв. готы становятся основной военно-политической силой в Юго-Восточной Европе и возглавляют племенные объединения, состоящие из поздних скифов, сарматов, дако-гетов и славян, ведут войны с пограничными римскими гарнизонами [Украинцы, 2000, с. 15].

Таким образом, исходно, на этапе этногенеза и при первых шагах своей истории восточные славяне устойчиво контактируют с поздними скифами. При этом замечу, что связанные с иранской культурой скифы стоят в ряду других индоевропейцев - фракийцев, германцев. Бесспорно присутствие иранской компоненты, существовавшей наряду с другими индоевропейскими влияниями. Это может рассматриваться как необходимое, но далеко не достаточное условие манихейского синтеза.

Что же касается присутствия богомилов в Киеве до Крещения Руси, то, на мой взгляд, для этих утверждений недостаточно оснований. Ереси подобного рода скорее были склонны работать в христианизированной и более культурной среде. Но главное даже не в этом. Указание на контакты и воздействия не несет в себе *объяснения*. Локальное присутствие богомилов до крещения Руси допустимо. Но почему богомильская парадигматика закрепилось в русской культуре? К. Маркс работал над "Капиталом" в Британской библиотеке. Английская общественность познакомилась с идеями Маркса и Ф. Энгельса одной из первых в Европе. Однако влияние коммунистических идей в Великобритании на протяжении всей истории мирового коммунизма было минимальным, а компартия Англии во все времена оставалась крошечной сектой. Идеи либерализма знакомы в России со второй половины XVIII в., однако они минимально воздействовали на народную культуру. Представляется, что в подобной ситуации надо ставить вопрос о сумме факторов, о качественных характеристиках среды, объекта воздействия и самой ситуации, которые позволяют "сработать" тому или иному влиянию. Только в результате исследования всех этих аспектов можно полагать явление познанным.

Относительно упомянутого Ахиезером богомильского происхождения сказаний о сотворении человека Богом и Дьяволом также не все ясно. При более подробном рассмотрении доступной совокупности материалов возникает ощущение того, что здесь мы сталкиваемся с более древним, добогомильским пластом ментальности. Как указывает М. Элиаде, дуалистическая "народная" космогония, в которой есть Бог и Дьявол в целом присуща народам Юго-Восточной Европы (в том числе румынам) [Элиаде, 2002, с. 341]. Специалисты называют этот миф "космогоническим нырком". Суть его в том, что Бог-демиург творит мир из комочка земли, взятого со дна первичного океана. Если признать мое замечание справедливым, то оно говорит в пользу более фундаментальной укорененности манихейских представлений в достаточно широком регионе, "накрытом" православным культурным кругом. Можно допустить, что эти представления старше процесса христианизации, что они утвердились ранее православной доктрины и задавали специфику местного православия, народного двоеверия, специфику местных сект и ересей.

Финно-угорские истоки гностико-манихейской традиции

По моему убеждению, обращаясь к проблеме генезиса манихейства на отечественных просторах, не следует ограничивать исследование славянским вектором. Русский народ формировался в условиях постоянной ассимиляции культурных влияний, идущих от многочисленных соседей. Прежде всего это были литовские племена, финно-угры и тюрки. Взаимодействие было возможно постольку, поскольку между субъектами ассимилятивного процесса не возникало непреодолимых стадийных и качественных барьеров в ментальности, образе жизни и актуальной культуре. В противном случае при столкновении этносов реализуются совершенно иные сценарии - сепарации, противостояния, геноцида. История демонстрирует тому множество примеров².

Надо сказать, что массовый человек склонен осмысливать этнокультурные процессы метафизически, в моделях родовой схематики. Поскольку мы славяне, то и культура наша славянская. Ее истоки и значимые характеристики надо искать в славянской древности. При этом недооценивается масштаб культурных взаимовлияний, которые сказались на параметрах итогового синтеза. В частности, русская культура впитала в себя гораздо больше моментов финно-угорского культурного космоса, нежели это представляется массовому человеку, далекому от этнологии и истории культуры. Чтобы убедиться в этом, можно обратиться, например, к народному мелосу. Многоголосая, мягкая

² Если католики - португальцы и испанцы - довольно легко ассимилировались с туземцами, рождая новые этнические группы, то протестанты голландцы и англичане сепарировались и либо вытесняли туземцев в резервации, либо выстраивали государство апартеида.

и напевная северорусская песенная традиция, которая в сознании многих людей интимно связана с духом русского народа, целиком вышла из культуры финно-угорских племен России.

Если же обратиться к мифологическим системам соседей славян, то обнаружится следующая картина. Мифология балтийских племен (литовцев) характеризуется созданием наборов основных семантических противопоставлений (*доля-недоля, жизнь-смерть, чет-нечет*) и не носит сколько-нибудь выраженного дуалистического характера [Балтийская... 1987, с. 153]. Мифология тюркоязычных народов, при всей разбросанности представителей этой языковой группы в историческом времени и географическом пространстве, также не содержит признаков дуализма. Идет ли речь о реконструкции пласта мифологии древних (орхонских) тюрков или о мифологии современных тюркоязычных народов, воспринявших одну из мировых религий и сохраняющих элементы исходного мифологического космоса, в них не просматривается пласт представлений, способных порождать манихейские или гностические смыслы [Тюркоязычных... 1988, с. 536]. Совершенно иной характер имеет финно-угорская мифология, которая с этих позиций заслуживает самого пристального внимания.

Обращаясь к финно-уграм, нельзя не указать на знакомую по наблюдению Элиаде и характерную для Юго-Восточной Европы концепцию "космогонического нырка". Позитивный Бог-демиург (коми *Ен*, марийский *Кугу юмо*, удмуртский *Инмар*, *Нуми-Торум* у обских угров и др.) велит водоплавающей птице или младшему брату, в облике птицы плавающему по первичному океану, достать со дна немного земли. Из нее Бог творит Землю и все полезное на ней, а его брат из земли, утаенной во рту, - горы и все вредное [Финно-угорская... 1988, с. 564]. Авторы словарной статьи (В. Петрухин, Е. Хелимский) справедливо указывают на то, что финно-угорская мифология формировалась под воздействием иранской, тюркской, славянской и балтийской мифологических традиций. Сложнее принять предположение о богомильских истоках финно-угорской мифологии. Трудно представить себе, каким образом идеи богомильской космогонии доходили до коми, удмуртов, мордвы, мари, обско-угорских народов. Возникает и более существенное возражение. Общность мифологических представлений разных финно-угорских народов свидетельствует об исходной доктрине, присущей им на самых ранних этапах существования, до разделения этой языковой общности на разные племена. Это соображение отсылает нас к временам задолго, на многие столетия отстоящим от времени рождения попа Богомила.

Мифология финно-угорских народов, сохранившаяся до наших дней, предполагает высшего небесного Бога, а также дуалистическую космогонию и антропологию. В утраченной мифологии финнов и карел исследователи реконструируют небесного старца *Уко* и бога бури *Ильмаринена*. В мифологии коми верховному божеству *Ен* противостоит *Омоль* (у зырян) или *Куль* (у пермяков). В удмуртской мифологии небесному богу *Инмару* противостоит творец зла, владыка подземного мира *Керемет*. В мифологии мари *Кугу юмо* находится в оппозиции с *Кереметом*. В мифологии обско-угорских народов правителю всех богов *Коре-Торум* противостоит властитель злых духов *Кульотыр*.

Замечу, что известная фрагментарно и слабо поддающаяся реконструкции скифская мифология не демонстрирует выраженного манихейского дуализма [Скифо-сарматская... 1988, с. 445]. Можно предположить, что элементы дуализма в скифской мифологии были разрознены, носили периферийный характер, а сами скифы попали в список истоков манихейского сознания из-за своего иранского происхождения.

В корпусе иранской мифологии исследователи насчитывают три пласта. Начальный этап формирования иранской мифологии относится к эпохе индоиранской (арийской) общности и лежит во временном диапазоне II тыс. - первая половина I тыс. до н.э. Второй этап связан с обособлением иранской мифологии, которое происходит в VII-VI вв. до н.э. Тогда складываются древнемидийская, древнеперсидская, скифо-сарматская и другие мифологические традиции. После греко-македонского завоевания Ирана формируется среднеиранский пласт иранской мифологии. Сама эта эпоха характеризуется оби-

лием синкретических идейных течений со спекулятивно-теологическим уклоном. "В этот период переделывались старые и возникали новые мифы, складывается священный канон зороастризма" [Иранская... 1987, с. 560].

Основой иранской мифологии было учение о противоборстве двух взаимоисключающих космических принципов. От иных индоевропейских традиций ее отличает этическая окраска, резкий дуализм Добра и Зла, разделение мира на две сферы - земную телесную и потустороннюю, где также происходит борьба добрых и злых сил [Иранская... 1987, с. 561]. Но эти характеристики последовательно нарастали по мере исторического разворачивания иранского культурного космоса и описывают *зрелую* традицию. Что же касается скифов, то они выделяются и уходят в "самостоятельное плавание" до эпохи греко-македонских завоеваний Ирана; то есть до того времени, когда иранская мифология обрела выраженно дуалистический характер.

Подведем промежуточные итоги. Данных, которыми наука располагает относительно скифов, недостаточно для однозначной характеристики мифологии этих племен. Их причастность к иранской традиции безусловна, но мера выраженности дуалистического принципа в скифо-сарматском культурном космосе остается неясной. Кроме того, контакты скифов и восточных славян (прямые или опосредованные) если и имели место, то были весьма непродолжительны. Антропологическими данными, свидетельствующими о существенной роли скифов в формировании русского народа, наука не располагает. В то же время процесс взаимоассимиляции финно-угров и славян разворачивается на всем протяжении русской истории. Известия в первых русских летописях о финно-угорских племенах - мере, муроме, чуди, веси и других, бесследно исчезнувших за пару веков в котле ассимиляции, фиксируют начало процесса, который продолжается по сей день. Нам еще предстоит осознать масштабы влияния и роль финно-угорской компоненты в формировании российского социокультурного космоса. При этом вклад финно-угорских народов в становление манихео-гностической установки российского сознания представляется очевидным.

Балканские проявления гностико-манихейской традиции

Обратимся к Балканам. Перенос столицы из Новгорода в Киев фиксирует смену ориентации Руси с Балтики на Средиземноморский бассейн. Центром экономического, культурного и политического притяжения становится Византия. Соответственно этой доминанте растут связи Киевской Руси с южными славянами, населявшими ближайшую провинцию Византийской империи. Князь Святослав Игоревич воюет на Балканах и даже планирует сделать Болгарию центром своего государства. Общеизвестна роль Болгарии в процессах христианизации Руси.

Иными словами, Балканы оказали существенное влияние на Русь в тот самый момент, когда крепло и утверждалось раннее государство, когда на смену военно-демократическому быту шел устойчивый государственный образ жизни. Именно в такие эпохи - во времена качественного перехода от предыстории к истории - закладываются базовые характеристики ментальности. Эти структуры воспроизводятся веками и снимаются только с последующим цивилизационным синтезом.

Обращаясь к теме Балкан, надо начать с того, что территория расселения южных славян еще с IV в. (то есть до прихода славян) была местом, где сосредоточивалась всяческая *неортодоксия*. После Никейского собора, утвердившего христианский "Символ веры" и осудившего арианство как ересь, арианские епископы и священники были высланы в дунайские провинции. Здесь арианский епископ Ульфила крестил готов и перевел Библию на готский язык. Сторонники возникшей в Армении во второй половине VII в., но распространившей свое влияние по всей Малой Азии манихео-гностической секты павликиан, в несколько приемов переселялись из Армении и Малой Азии на Балканы. В VIII в. павликиан переселяет император Константин Копроним, в IX - император Феofil. В 970 г. славившийся веротерпимостью император Иоанн Цимисхий поселил большую колонию павликиан во Фракии для охраны границы. Павликиане жили во

Фракии до начала XIII в. На Балканах распространялись также евхиты или мессалиане - сектантское движение гностического толка, возникшее в IV в. на Востоке.

Наконец, во второй половине X в. в Болгарии появляются богомилы. Исторические источники фиксируют богомилов на этих землях вплоть до XVII в., они называют себя павликианами. Далее поздние богомилы частично переходят в католицизм, частично (в XVIII в.) уходят на территорию Венгрии. Богомильская проповедь дошла до Константинополя, где в эпоху императора Алексея Комнина богомилы пережили гонения, сопровождавшиеся смертными казнями. От болгар богомильство перешло к сербохорватам, где наиболее основательно закрепилось в Боснии. Формально Босния принадлежала католической церкви. Однако с XIII в. богомильство *de facto* превращается в господствующую церковь, опиравшуюся на монастыри и разделяемую большинством населения. В XIV-XV вв. боснийские богомилы успешно пережили крестовые походы против еретиков из Венгрии и Хорватии. Богомильство угасает только после завоевания Боснии турками (вторая половина XV в.). Боснийская знать перешла в ислам. Вслед за ней постепенно переходит в ислам и все боснийское общество [Богомилы, 1994, с. 270 - 274]. Обобщая эти данные, можно говорить о существовании устойчивой манихео-гностической традиции на Балканах.

Проблема обусловленности

Тот или иной ответ на вопрос об истоках гностико-манихейского влияния не снимает самостоятельной проблемы внутренней обусловленности исследуемого феномена. Почему в одних случаях дуалистическая картина мира закрепляется в сознании, входит в ментальные структуры, становится устойчивым элементом культуры, а в других - остается на периферии культуры? Сильное воздействие комплекса манихео-гностических представлений, а также мера устойчивости данного комплекса ментальности в культуре отдельного народа или в культурах определенного региона само по себе нуждается в анализе. Проблема эта, к сожалению, слабо осознана научным сообществом. Между тем уровень влияния манихео-гностической компоненты связан с самыми существенными характеристиками социокультурного универсума. Среди них: историческая устойчивость (мера подверженности периодическим распадам), мера хаотизации, способность к исторической динамике, и др. Продвижение в понимании процессов утверждения и закрепления манихео-гностических смыслов в культуре позволит приблизиться к постижению глубинной природы целого класса цивилизационных феноменов и, кроме того, сделать еще один шаг в постижении логики всемирно-исторического процесса.

Возьмем Балканы. Можно ограничиться констатацией, указав, что они служили источником устойчивого манихео-гностического влияния на окружающие регионы - романский Юг Европы (катары, альбигойцы в Северной Италии и Южной Франции), Киевскую Русь, - но этого недостаточно. Перед нами существенный историко-культурный факт, нуждающийся в осмыслении. Почему именно Балканы оказались заказником манихейского сознания? Каковы значимые факторы, определившие возникновение этого феномена? Можно ли охарактеризовать специфическую ситуацию формирования и закрепления данной традиции (стадиальную, этнокультурную, локально-цивилизационную)? В какой мере значимы ландшафтно-климатические характеристики вмещающего пространства или ментальные особенности народов, населяющих этот регион? Все эти вопросы нуждаются в прояснении, но для начала они должны быть хотя бы сформулированы.

Первое общее наблюдение очевидно и состоит в том, что манихео-гностические движения рождались в широком смысле на Востоке, будь то восточная часть ойкумены, восток Римской империи или Византии, регионы, принадлежащие миру православия. Западная Римская империя, мир католицизма, выступая объектом манихео-гностической проповеди, порождали феномены, идейно преемственные по отношению к восточным сектам и учениям. Причем, чем ближе регион западноевропейского мира к средиземноморскому побережью, чем шире этнические и культурные контакты с миром Востока,

тем выше шансы на укоренение манихейских и гностических учений (Прованс, Ломбардия). Лишенный постоянных контактов и воздействий со стороны Востока, Север Европы не знал заметных манихео-гностических движений³.

На мой взгляд, манихео-гностический идейный комплекс не только генетически, но и сущностно связан с православным Востоком христианского мира. Мера сродства обозначенного комплекса с духом православного универсума неизмеримо выше, нежели мера сродства с духом католического Запада. Об этом свидетельствует духовная и политическая история Европы. В то время как католический Запад выжигал манихейские ереси каленым железом - объявлял крестовые походы, в буквальном смысле уничтожал катаров и альбигойцев, выскивал и добивал разрозненных диссидентов усилиями инквизиции, православный Восток жестко преследует лишь ереси в самой столице и центре Империи. Павликиан громят лишь тогда, когда они под враждебным патронажем создают собственное государство и начинают активно грабить византийские территории в Малой Азии (в центре государства). В общем случае еретиков высылают в пограничные регионы, где они существуют веками. В эпохи гонений приверженцы богомильской церкви находят убежище в монастырях, скрываясь от преследователей под монашескими покровами [Богомилы, 1994, с. 271]. Соответственно, гностическое мироощущение, пафос мироотречности, убеждение в исходной порочности человеческой природы, отторжение большого общества, государства и цивилизации, понимаемых как порождения Сатанаила, ассимилируются православной ментальностью. На Востоке манихейство не было побеждено на сущностном уровне. Здесь наблюдаются вариации или колебания: либо ортодоксия обнимает собой манихейство и ассимилирует его в себя, формально противостоя ему, либо манихейство побеждает ортодоксию и разворачивает чисто манихейскую культурно-социальную феноменологию.

Сопоставляя западное и восточное христианство, нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что православие базируется на пронизанном гностическими смыслами Евангелии от Иоанна, и этот выбор далеко не случаен. Он выражает результат цивилизационного синтеза на пространствах Византии, задан базовыми характеристиками страны, ментальностью населения.

Особого внимания заслуживает и вопрос о мере распространения манихео-гностических идей в среде славянских народов. Известно, что балканские славяне (болгары, сербы, боснийцы, хорваты) в разной мере были затронуты богомилством. На исходе Средних веков чехи дали миру гуситов, генетически связанных с богомилством через катаров, вальденсов, альбигойцев. Особенно сильно манихео-гностические смыслы были выражены в движении таборитов. Манихейские аспекты русской культуры - предмет настоящего исследования. Сам по себе факт влияния еще ни о чем не говорит. Мера открытости славянского духа манихео-гностической проповеди может быть сопоставлена с культурными характеристиками других европейских народов, вышедших на арену мировой истории примерно в то же время, - германцев, венгров, финнов. В то же время, создается ощущение того, что славянская ментальность вступает в *резонанс* с манихейско-гностическими умонастроениями.

Заявленная в начале статьи общая проблема - объективной обусловленности устойчивого бытования дуалистических и мироотречных доктрин в том или ином регионе - давно ставилась исследователями и получала то или иное объяснение. Последние, как правило, носили суммативно-обобщенный характер и повторяли друг друга системой аргументов. В теоретическом основании таких объяснений лежит гипотеза об изоморфизме структуры мифологического комплекса и устойчивых условий существования народа, создающего мифологию. Субъект мифологического творчества опрокидывает на образ космоса привычные характеристики окружающего его земного мира. Никем не эксплицируемая, эта методологическая установка обнаруживается в работах этноло-

³ Исключение составляет Фландрия, куда манихейская проповедь проникает из Италии в начале XI в. Здесь катарская церковь была уничтожена усилиями инквизиции.

гов, религиоведов, историков культуры, посвященных иранскому дуализму, генезису античного гностицизма, богомилству, катарам.

Логика данной объяснительной модели сводится к констатации устойчивого дискомфорта человеческого бытия, а также дуализма природных и социальных стихий. Эти характеристики реальности задаются особенностями ландшафтно-климатических условий (граница пустыни и оазиса), наличием устойчивых конфликтов (непрерывающейся войной степняков и земледельцев в Иране; борьбой тюркоязычных булгар и славян в Болгарии, соперничеством римской и греческой церквей на Балканах). Общий ход исследовательской мысли, разрешавшей проблему обусловленности, надо признать продуктивным. Мне остается высказать некоторые положения в развитие этих идей.

Стадиальные характеристики обществ, активно востребующих гностические и манихейские идеологемы, обусловлены переходом от догосударственного существования к государству, периодом ранней государственности, кризисами, порожденными качественными преобразованиями социокультурного универсума. Чаще всего это ситуация стадиального перехода, связанного с распадом архаических целостностей и вовлечением широких патриархальных масс в более плотное общение с государством. Анализ миро-отречно-дуалистических движений самого разного толка, реализовавшихся на широчайшем пространстве христианского мира от малоазийских павликиан VII в. до южнорусских малеванцев XIX в., убеждает в том, что *манихео-гностические доктрины сплошь и рядом оформляли неприятие большого общества и Истории.*

Перед нами специфическая форма отторжения государства и цивилизации, реакция на процессы распада традиционного крестьянского универсума, религиозное оформление интенции бегства из "мира сего", который есть мир неравенства и несправедливости, борьбы, эксплуатации, насилия. Мир традиционного человека, последовательно вовлекаемый в историю, снова и снова переживает дуалистическую революцию, в нем снова и снова рождаются импульсы отторжения трагической и несправедливой реальности. Мучительно вписываясь в реальность истории, в мир, которому присуще вечное изменение, человек, принадлежащий миру неизменной традиции, полностью отторгает этот мир и трактует его как порождение сил Зла.

Осмысливая эти процессы, можно говорить о реакции на стресс перехода от предыстории к собственно истории, а также о реакции на навязанное, неимманентное развитие. Об ответе культуры на перемены, не вызревшие внутри общества, а потому переживаемые как неестественные, лишённые Божественной санкции. Такие перемены подавляют человека и отчуждают его от реальности, заставляют переживать "этот мир" как творение Сатаны. Общества, в ментальности которых утверждаются манихео-гностические доктрины, болеют антиэтатизмом, деятельно противостоят процессам развития государства, блокируют формирование большого общества, консервируют ситуацию частичного обособления широких патриархальных масс от государства и цивилизации. Они порождают слабое, неэффективное государство, не способное к саморазвитию и тяготеющее к авторитарным, деспотическим формам правления.

Дискомфорт, о котором говорят исследователи, связан с тем, что люди в пограничных ситуациях тяжело переживают свое пребывание в пространстве взаимодействия противостоящих стихий, не сочетаемых и находящихся в постоянной борьбе. Пустыня в буквальном смысле наступает на оазис, атакует его пылевыми бурями, движущимися барханами. Оазис противостоит пустыне сплетенной корневой системой зелени, закрепляет движущуюся стихию песка, сковывает ее, превращает в зеленый покров, на котором со временем появляются кусты и деревья. На ранних стадиях истории земледельцы, живущие на границе степных пространств, пребывают в ситуации перманентной войны. Набеги кочевников, разорение селений, увод людей и ответные нападения земледельцев на кочевья составляют рутинный фон жизни многих поколений.

Далеко не все народы (культуры, цивилизационные феномены) легко и просто сочетаются друг с другом. Достаточно очевидно плохое сопряжение обществ, находящихся на разных стадиях исторического развития. Так, варвары в силу самой своей природы разрушают зрелую цивилизацию - паразитируют на ней, деградируют, варваризуют

быт и культуру, разрушают ткань социальных отношений, навязывают свои ценности и образцы поведения. В равной степени варвар переживает зрелую цивилизацию как источник враждебного воздействия, разрушающего традиции, размывающего сакральные ценности, трансформирующего освященный веками образ жизни [Яковенко, 1995]. В стратегической перспективе слабо сочетаемые этнокультурные целостности могут пройти путь взаимосогласования, минимизировать конфликты и даже слиться. Однако на горизонте человеческого существования (погруженного в устойчивый конфликт несочетаемых культур) бытие разворачивается бесконечным конфликтом противостоящих стихий.

Мое убеждение состоит в том, что завоевания Александра Македонского, внедрившие греческие поселения вглубь Азии, создали специфическую амальгаму слабо или совсем не сочетаемых культур. Реальность греческого полиса отрицает мир иранской или сирийской глубинки. Отрицает фактом своего существования как нестерпимое, невозможное, недолжное, иное. Однако эмпирически греки (постепенно растающие в местную реальность, но остающиеся греками) живут бок о бок с персами, сирийцами, армянами, тюрками, поверхностью эллинизированным населением Малой Азии. Возникает устойчивая ситуация столкновения Азии и Европы, кочевников и города, догосударственного общества и государства. Такая реальность многообразно дискомфортна. Она соединяет в причудливой амальгаме несоединимые сущности и противостоящие интенции. Не случайно именно на границе европейского и азиатского миров возникает большинство манихейских и гностических доктрин. Их создатели и адепты несут в себе опыт пребывания в дуалистической реальности, разорванной и конфликтной на онтологическом уровне.

В этом отношении Запад (католический мир) представлял собою более простую ситуацию. Там можно выделить две большие группы - носителей цивилизации античного Рима и носителей догосударственной/раннегосударственной культуры варварских окраин. Здесь культура классического Востока отсутствует. Основная доминанта социокультурного процесса - взаимоассимиляция античного и догосударственного миров - процесс сложный, во многом драматический, требующий времени, но не превышающий предела человеческих возможностей, не порождающий, как правило, импульса отторжения "этого мира".

Описанная ситуация порождения гностико-манихейской традиции демонстрирует специфику лимитрофа, то есть зоны контакта между соседними локальными цивилизациями. Лимитроф характеризуется достаточно широким набором признаков, в ряду которых провинциальность, оторванность от центров соседних цивилизаций, взаимоподавление разнонаправленных и противоречивых тенденций, а потому застой и архаизация культуры; как следствие - заброшенность и общее ощущение дискомфорта.

В эллинистическом мире не было таких мощных интеграторов, как современная система образования и массовые коммуникации. Носители различающихся культур жили бок о бок, говорили на трех, четырех языках. Малая Азия, Сирия, Египет демонстрировали поразительную мозаику племен, образов жизни, стадий исторического развития. Поколения людей жили в противоречивом, невыразимо пестром синкретическом мире, лишенном систематизирующей доминанты. Подобная реальность не давала опоры идее монотеистического универсума, но провоцировала изоморфные себе самой синкретические модели. В такой атмосфере манихео-гностические конструкции ожидаемы и естественны.

Таковы общие соображения относительно обусловленности манихео-гностического культурного синтеза. Если применить те же объяснительные модели к России, мы обнаружим:

1. *Неимманентное развитие как устойчивый фактор.* Возникновение государства всегда несет в себе элемент насилия. При этом ситуация формирования раннего государства может быть более или менее зрелой. Если говорить о Киевской Руси, то степень распада структур первобытного общества и готовности к государству в разных регионах различались. В городах на "пути из варяг в греки", где складывалось городское

общество, возникала экономика, ориентированная на внешнюю торговлю, готовность к государственной жизни была максимальной. Что же касается неоглядной "глубинки", то здесь государство утверждалось силой. Племена насильно втягивались в процессы государствообразования, и их наименования исчезали из летописей примерно через полтора века. Насилие такого масштаба не проходит бесследно.

Специалисты указывают на то, что к моменту принятия христианства язычество на отечественных просторах изжито не было. Живучесть и мощь языческой компоненты народной культуры, сохранившейся до сих пор как специфика бытового православия, свидетельствуют не только об исторической стратегии Русской православной церкви, склонной "обволакивать" язычество, созидавая устойчивый христиано-языческий синкретизм. Здесь содержится свидетельство стадиальной молодости российского язычества, которое проходит естественную эволюцию в ситуации "жизни после смерти".

С массовым насилием, источником которого была внешняя, враждебная обществу сила, связана и эпоха ордынского владычества. Обретение независимости обернулось для народа эпохой созидания Московского самодержавного государства, а затем и империи, разворачиванием мучительных процессов модернизации России. Во всех этих перипетиях цели необходимых перемен были более или менее понятны элите. Народ же оказывался объектом, влекомым на дыбу исторической динамики внешней, непостижимой и неумолимой силой.

2. *Стресс перехода от предыстории к истории* патриархальных масс, последовательно вовлекаемых в жизнь государства. Процесс размывания патриархального мира, по возможности изолирующего себя от государства, шел постоянно, прогрессируя и пространственно, и в качественном отношении по мере развития государства, формирования общенационального рынка, развития урбанизации и т.д. По существу это процесс завершается лишь в XX в.

3. *Изначальную пронизанность православия манихейскими и гностическими смыслами*, которая проявляется в привычной онтологизации и инверсии нравственных ценностей, в устремленности к абсолютным целям и напряженном эсхатологизме.

4. *Исходный дуализм мифологии финно-угров*, ярким выражением которого являются сюжеты взаимодействия Бога и Дьявола, связанные с сюжетом сотворения Земли.

5. *Дуализм земледельческого и кочевнического миров, связанный с жизнью на границе леса и степи*. Формой его являются устойчивые и вполне отретеликсированные представления о различиях крестьянской и казацкой ментальности.

6. *Достаточно тесные контакты с южными славянами на ранних этапах истории*. По этому поводу стоит добавить одно соображение. Контакты происходили на этапе, когда разворачивался переход от предыстории к истории, от язычества к монотеистической религии. То есть в то самое время, когда начинаются процессы цивилизационного синтеза, когда культура достаточно аморфна и открыта для влияний.

Помимо сказанного стоит упомянуть о том, что в нашем случае переход от предыстории к истории разворачивался на лимитрофе. Киевская Русь и Московия представляли собой периферию христианского и исламского миров. А значит, здесь присутствовали все те эффекты, которые продуцирует лимитроф, и прежде всего - высокий уровень конфликтности, ощущение периферийности, дискомфорта и заброшенности.

* * *

Манихейские и гностические идеи могут утверждаться как в зрелом традиционном обществе в центре ойкумены, так и на далекой окраине цивилизации. В зависимости от этого формируются разные идейные комплексы. Когда архаическое родовое сознание, мыслящее мир в модели "мы/они" "люди/оборотни", сталкивается с идеей государства и интеграторами Осевого времени (верой, идеологией), возникает опасность непродуктивного, тупикового в цивилизационном отношении культурного синтеза. Манихейская дуалистическая парадигма в любом ее изводе при этом обретаает исключительную

устойчивость. Формируется характерное для России пронизывающее все уровни культуры фундаменталистское манихейство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Т. I. Новосибирск, 1997.

Балтийская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М., 1987.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Богомилы // Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 т. Т. 1. М., 1994.

Иранская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М., 1987.

Ростовцев М. И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Известия Археографической комиссии. СПб., 1913.

Скифо-сарматская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 1988.

Тюркоязычных народов мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 1988.

Украинцы. М., 2000.

Финно-угорская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 1988.

Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 2. М., 2002.

Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 1. Варварство: социологическая модель // Общественные науки и современность. 1995. № 4.